

БИБЛЕЙСКАЯ СИМВОЛИКА ХЛЕБА В ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВАХ РУССКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

Е.А. Юрина, Дж. Помаролли

Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.31.2017, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Аннотация. Представленное исследование выполнено в рамках когнитивного и лингвокультурологического подходов к изучению образных средств языка и речи, выражающих иносказательные (фигуральные) смыслы, основанные на метафорическом и символическом переосмыслении культурных феноменов. Описаны аспекты метафоризации образа хлеба в русском и итальянском языках, обусловленные единством духовно-религиозной христианской культурной традиции. Анализируется общность метафорических моделей интерпретации исходного образа в более широком культурном контексте, включающем дохристианский период (влияние архаической мифологии, античной культуры). С целью исследования христианской символики в метафорическом обозначении хлеба проводится анализ символического изображения этого продукта в библейских текстах; изучаются семантика и текстовое функционирование образных языковых единиц, которые транслируют библейские символы в русском и итальянском лексиконах и фразеологии. Рассмотрены метафорические модели, для которых образ хлеба служит исходным концептуальным доменом, через который осмысливаются явления других концептуальных сфер-мишеней: «Благополучие – это Хлеб», «Работа – это Хлеб», «Духовная потребность – это Хлеб» и др. Дискурсивное функционирование образа хлеба представлено на примере употребления образных слов и выражений в художественных и публицистических текстах. Делается вывод о том, что с представлением о хлебе связана целая система общих для русской и итальянской культур символов и ценностей, которая вербально объективируется в комплексе образных лексических и фразеологических единиц обоих языков в их современном состоянии. Продуктивность метафоризации образа хлеба объясняется двумя основными факторами: земледельческим происхождением русского и итальянского экономического уклада и влиянием христианской традиции на развития русской и итальянской культур.

Ключевые слова: когнитивная метафора; христианская символика; образный язык; хлеб; *pane*; Библия; русский язык; итальянский язык.

Введение

Образный язык в свете когнитивно-прагматического подхода

Образный язык является традиционным объектом филологических исследований со времен Античности, но именно этот аспект язы-

ковой системы и речевой деятельности стал объектом пристального внимания философов и лингвистов в рамках когнитивного и прагматического подходов к анализу языка в конце XX – начале XXI в. Высокий интерес к метафорическому мышлению как источнику языковой образности, без преувеличения, является мировым научным трендом. Его демонстрируют исследования трех последних десятилетий, выполненные на материале разных языков, в которых изучается миромоделирующий и прагматический потенциал образного лексикона, фразеологии, паремиологии; анализируется реализация метафорических моделей в дискурсивных образных средствах масс-медиа, политического, художественного, научного и других типах дискурса [1–13 и др.].

Наблюдения за языком с позиций антропологической лингвистики убеждают в том, что чувственно-образное выражение идей в языке служит не только задачам украшения речи, а является одним из основных способов мышления человека [2. С. 3]. Когнитивное метафорическое моделирование, лежащее в основе языковой образности, рассматривается как один из основных познавательных процессов в ментальной деятельности человека. В основе концептуальной теории метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, лежит представление о том, что «метафоры частично структурируют наши обыденные понятия, и что эта структура отражается в языке» [14. С. 74]. Таким образом, язык является средством доступа к ментальному кругозору человека, к его «обыденной концептуальной системе» [Там же. С. 25].

В рамках этой концепции метафорические модели стали пониматься как ментальные схемы, по которым осуществляется концептуализация познаваемых феноменов из сферы-мишени по аналогии с известными феноменами из сферы-источника. Как правило, нематериальный мир (сферы эмоций, интеллекта, социальных отношений) осмысливается в терминах чувственного опыта по аналогии с явлениями материального мира (природными объектами, артефактами, механическими и физиологическими процессами), реже встречаются обратные переносы. В этом отношении сфера гастрономии обладает такими необходимыми для метафоропорождения качествами, как конкретность, «телесность», опора на сенсорное восприятие, востребованность в практическом опыте, доступность в повседневной бытовой деятельности человека. Данные факторы делают пищевую метафору одной из ключевых в процессе образного миромоделирования, наряду с зооморфной, фитоморфной, соматической, вещной и т.п. типами метафор. Исходные сферы метафорического означивания формируют культурные коды образной вербализации тезауруса [15].

Вслед за А.Ф. Алефиренко, М.Л. Ковшовой, В.В. Красных и др., под кодом культуры понимается исторически сложившаяся нормативно-ценностная система вторичного означивания, несущая в себе культурную информацию о мире, структурирующая, организующая этно-

культурное сознание и проявляющаяся в процессах категоризации мира, в том числе в процессах языкового миромоделирования [7. С. 61–62; 16. С. 60; 17. С. 298 и др.].

Пищевая метафора в сопоставительном и лингвокультурологическом аспектах

Изучение пищевого (гастрономического, кулинарного, глутто-нического) кода культуры является актуальным направлением современной семантики и лингвокультурологии. В исследованиях, проведенных на материале различных европейских языков (английского, итальянского, немецкого, русского, французского) [18–20 и др.], доказывается, что метафора еды, базируясь на древних культурных архетипах, является продуктивным механизмом смыслопорождения во многих языках мира и активно используется в современных дискурсивных практиках. Например, интерес к чему-л. можно выразить в терминах аппетита: *«Поскольку заманчивая Англия отбила аппетит к отечественной науке, она не испытывала ни малейшего беспокойства по поводу завтрашнего экзамена»* (Л. Улицкая); склонность и пристрастие – в терминах вкуса: *«Она нашла вкус в одинокой жизни. Время от времени заводила друга – на год, на два»* (А. Слаповский); сильное желание – в терминах жажды: *«Уникальная память и безмерная жажда знаний – в сочетании – творили чудеса»* (С. Довлатов). Питаться можно не только тело, но и дух: *«И сам полтора года не мог вернуться сюда, где горе было единственной пищей моей души»* (М. Горький); *«Non ne poteva più d'essere solo, di non avere trovato in tanti anni di fame e sete intellettuale e morale un cibo sodo e nutriente»* (У. Ожетти) – *«Он больше был не в состоянии терпеть одиночество, не находя плотную и питательную еду после многих лет интеллектуального голода и жажды»* (У. Ойетти).

Известно, что еда представляет собой не только необходимое средство физического существования человека, но и культурное явление, социальную практику и маркер коллективной идентичности. Продукты питания, а также процессы их приема и приготовления наполняются в определенной культуре особым образно-символическим содержанием, обретают обрядовый, ритуальный, мифологический, сакральный смысл, получают особое аксиологическое значение. Сопоставительный анализ пищевой метафоры, проведенный на материале разных языков (русского и английского [18]; русского и французского [19]; русского и итальянского [20]; русского, английского и немецкого [21]; русского, английского и итальянского [22] и др.), демонстрирует как универсальные, общечеловеческие и общекультурные, так и культурно-специфические черты образного отражения представлений о мире через метафору еды. Одним из факторов, определяющих общность образных прототипов в разных языках, яв-

ляется единство культурного контекста, объединяющего народы различной этнической принадлежности. Для европейских народов одним из таких контекстов является христианская духовно-религиозная традиция, зафиксированная в текстах Священного Писания. Исходя из данной предпосылки, в настоящей работе рассматривается библейская символика *хлеба*, закрепившаяся в семантике устойчивых образных лексических и фразеологических единиц русского и итальянского языков.

Методика анализа библейской символики в семантике образных средств языка

Библейская символика и метафорические модели

Отражение христианской символики в метафорическом обозначении *хлеба* исследуется посредством 1) анализа символического изображения этого продукта в библейских текстах; 2) анализа семантики и текстового функционирования тех образных языковых единиц, которые транслируют данные символы в русском и итальянском лексиконах, включая фразеологию; 3) анализа лингвистических корпусов текстов с целью фиксации случаев дискурсивного использования языковых средств, выражающих библейскую символику *хлеба*.

Таким образом, в статье будут рассмотрены метафорические модели, для которых образ *хлеба* служит исходным концептуальным доменом (сферой-источником), через который осмысливаются другие концептуальные домены (сферы-цели / мишени); а также проанализированы образные слова и выражения русского и итальянского языков, в которых образ *хлеба* несет библейскую символику и служит эталоном для интерпретации различных явлений окружающего мира на базе метафорической модели «Нечто – это Хлеб»: «Благополучие – это Хлеб», «Работа – это Хлеб», «Духовная потребность – это Хлеб» и др.

Совокупность языковых образных средств рассматривается в составе мотивационно-образных парадигм, объединяющих слова и выражения, метафорически мотивированные существительными рус. *ХЛЕБ* и итал. *PANE* 'пищевой продукт, выпекаемый в печи из теста, приготовленный из пшеничной или ржаной муки с добавлением воды'. Данные лексемы прямо или косвенно мотивируют серию образных слов и выражений различной структуры: языковые метафоры – рус. *хлеб* / итал. *pane* 'работа', образные дериваты с метафорической внутренней формой – слова рус. *нахлебник* / итал. *mangiapane* 'тот, кто живет за чужой счет'; образные фразеологические единицы – рус. *перебиваться с воды на хлеб* / итал. *stare a pane e acqua* 'жить в бедности'; образные прецедентные выражения, восходящие непосредственно к Библии – рус. *не хлебом единым жив человек* / итал. *non si vive di solo pane* 'духовные потребно-

сти имеют большое значение в жизни человека'. Для полноты описания изучаются фрагменты публицистических и художественных текстов, иллюстрирующих функционирование образа хлеба при дискурсивной реализации отобранных единиц. Источниками словарного материала являются «Словарь русской пищевой метафоры» [23], «Итальянско-русский фразеологический словарь» [24] и электронные версии словарей итальянского языка «Vocabolario della lingua italiana Treccani» [25], «Dizionario della lingua italiana De Mauro» [26]. Источником контекстов речевого употребления, помимо указанных словарей, послужили Национальный корпус русского языка [27], электронный корпус итальянского языка «La Repubblica» Corpus [28]. Переводы фрагментов текстов из корпуса «La Repubblica» сделаны Дж. Помаролли.

Библейская символика и этимологическая внутренняя форма имени концепта

Предваряя анализ, рассмотрим этимологию слов *хлеб* и *pane*, что поможет раскрыть этимологическую внутреннюю форму имени, во многом определяющую символику обозначенного концепта. По наиболее достоверной версии, русское слово *хлеб* восходит к праславянскому *xlěbъ [29. С. 286; 30. С. 413], которое является заимствованием из готского *hlaifs*, к последнему восходят англосакское *hlāf*, английское *Loaf (of bread)*, древневерхненемецкое *hleib*, немецкое *Laib* 'краюха, буханка' [31. С. 492]. Итальянское слово *pane* восходит к латинскому *panem*, в котором некоторые филологи признают индоевропейский корень **pā-*, от него происходят латинские слова *pāscō*, *pāscere* 'кормить, откармливать' и русское *пасту*. Некоторые считают, что корень **pā-* связан с семантикой 'защищать, охранять, поддерживать', от него, возможно, происходило и латинское слово *pater* (итал. *padre* 'отец') [32]. Реконструируя предысторию концепта «Хлеб», Ю.С. Степанов приводит интересные факты, свидетельствующие о том, что хлеб представлял собой главную пищу целой индоевропейской культуры, поэтому данный концепт был связан с идеями «распорядителя благ» – «хозяина» и, в конечном итоге, «бога». Промежуточное звено, связывающее эти концепты, встречается в германском руническом слове *wita(n)da-halaiban*, которое буквально обозначает «хранящий хлеб». И еще: англосакское слово *hlāf-weard* также буквально обозначает «хранитель хлеба», т.е. «хозяин», преобразовавшееся со времени в *lord*, «лорд» и «Господь Бог». Подобно тому, как англосакский «хозяин» означает «хранитель», «распорядитель» хлеба, так и славянское обозначение «бога» означает буквально «податель благ» [29. С. 291].

Дохристианская символика хлеба

Хлеб использовали во многих религиозных ритуалах уже в древние времена, далеко до появления христианства. Историки называют

Египет местом рождения хлеба за 10 тыс. лет до рождения Христова. В 500 г. до н.э. древнегреческий географ Гекатей Милетский называл египтян «народом, едящим хлеб» [33. С. 177], хотя пшеничный хлеб ели только фараоны и их окружение. Древние греки были значительно более опытными в хлебопечении: они умели готовить около 70 видов хлеба с добавлением разных ингредиентов (специй, меда и т.д.). Древние римляне узнали хлеб только после того, как встретились с греками во II в. до н.э., однако именно они изобрели водяную мельницу. Подробнее об истории хлеба в Средиземноморье см. в [34]. На Руси начали выпекать ржаной хлеб в XI в. В славянском мире процесс выпекания всегда представлял собой «сакральное и таинственное действие (хлеб, подобно живому существу, растет, поднимается)» [30. С. 413]. В традиционной народной культуре хлеб приобретал символическое значение, о котором свидетельствуют приметы и суеверия, сохранившиеся и до сегодняшнего дня. Например, в русской культуре считалось, «чтобы хлеб удался, поднялся, нельзя во время его приготовления шуметь, мести пол; нельзя выбрасывать хлеб, нельзя втыкать нож в каравай, давать хлеб собакам, доедать хлеб за другим и т.д.» [35. С. 116]. Во многих частях Италии придерживались правила перед закваской делать над тестом знак креста ножом, а потом, когда приготовленный хлеб уже подавали на стол, он ни в коем случае не должен лежать в перевернутом виде.

С древних времен хлеб являлся основным продуктом питания для представителей земледельческих культур, какими являются русская и итальянская культуры; образ хлеба был наполнен сакральными и символическими смыслами. С наступлением христианства хлеб становится сакральным продуктом в высшей степени: он воплощает тело Христа и, в целом, сына Господа, присланного на землю. Хлеб олицетворяет материальное и духовное благополучие, средства к существованию, необходимый ресурс для развития человека; хлеб – это результат человеческого труда и показатель гармоничного отношения человека к земле. Хлеб – это прототипическая пища, еда по определению. Рассмотрим, как эта символика, обнаруженная в метафорических и аллегорических реализациях образа *хлеба* на страницах Библии, отражается в лексико-фразеологическом составе русского и итальянского языков.

Исследование библейской символики в семантике образных лексических и фразеологических единиц

Символика благополучия vs нужды

В Ветхом Завете земля обетованная описывается как место, *«где пшеница, ячмень, виноградные лозы, смоковницы и гранатовые деревья... где масличные деревья и мед... в которой без скудости будешь*

есть хлеб твой и ни в чем не будешь иметь недостатка...» (Втор 8:8–9). И еще: «И Он даст дождь на семя твоё, которым засеешь поле, и хлеб, плод земли, и он будет обилен и сочен» (Ис 30:23). Хлеб несет символику достатка, изобилия и в Новом Завете. Достаточно назвать эпизод насыщения пяти тысяч человек пятью хлебами, являющийся одним из чудес, совершенных Иисусом Христом: «Они же говорят Ему: у нас здесь только пять хлебов и две рыбы. Он сказал: принесите их Мне сюда. И велел народу возлечь на траву и, взяв пять хлебов и две рыбы, воззрел на небо, благословил и, преломив, дал хлеб ученикам, а ученики – народу. И ели все, и насытились; и набрали оставшихся кусков двенадцать коробов полных; а евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей» (Мф 14:17–21). И, напротив, отсутствие хлеба является знаком массового голода, гнева Господня и, следовательно, наказания человека. Этот образ является сквозным в Ветхом Завете: «Я сокрушу в Иерусалиме опору хлебную, и будут есть хлеб весом и в печали, и воду будут пить мерою и в унынии, потому что у них будет недостаток в хлебе и воде; и они с ужасом будут смотреть друг на друга и исчахнут в беззаконии своем» (Иез 4:16–17). Господь посылает бурю, ужас и беды на землю, так что красивые девы и юноши будут таять от голода и жажды. И это голод не только тела, но и духа: «Вот наступают дни... когда Я пошлю на землю голод, – не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних» (Ам 8:11). В Книге Исхода хлеб представляет собой источник спасения для сыновей Израилевых, бродящих по пустыне: «И увидели сыны Израилевы и говорили друг другу: что это? Ибо не знали, что это. И Моисей сказал им: это хлеб, который Господь дал вам в пищу» (Исх 16:15).

Таким образом, хлеб, с одной стороны, является архетипическим символом источника жизни, средств существования, достатка и изобилия, а его отсутствие символизирует горе, бедность, нищету, скудный достаток. Семантику хлеба как символа материального благополучия воплощает фразеология в обоих рассматриваемых нами языках. Например, в русском языке есть фразеологизм *на хлеб с маслом хватает* 'имеются достаточные средства для безбедного существования' («А платят вполне прилично – хватает и на хлеб с маслом, и на кусок очень хорошей ветчины» (В. Кунин)); в итальянском языке фразеологизм *allevare / crescere a pane bianco* (буквально: «воспитывать белым хлебом») выражает значение 'вырасти / жить в роскоши' («Lui, che aveva ricevuto un'istruzione da signorino fino agli otto anni e, a quanto si diceva, era cresciuto a pane bianco e politica prima del disastro familiare, forse aveva le idee più chiare di lei» (S. Belli) – «Он, который до восьми лет получал аристократическое образование и который, как говорили, до семейной катастрофы рос в роскоши (буквально: воспитывался

белым хлебом) и формировал политическое мировоззрение, может быть, имел лучше представление, чем она» (С. Белли)).

С другой стороны, состояние бедности выражается и в русском, и в итальянском языках как питание исключительно хлебом: *перебиваться с воды на хлеб / с хлеба на воду* и *stare / tenere qualcuno a pane e acqua* («быть / оставить кого-л. на хлебе и воде»). Совпадение реализуется и на уровне переносного значения («жить очень бедно»), и на уровне внутренней формы фразеологизма через образы хлеба и воды: «*Мариш Семеновне, конечно, приходило в голову, что ее перебивающаяся с хлеба на воду мать, живущая в деревянной, продуваемой всеми ветрами халупе, имеющая семерых детей и алкоголика-мужа, который дубасит ее чуть ли не каждый божий день, влачит не менее жалкое существование*» (В. Валеева); «*Il Re si ricordò d'avergli dato la sua parola di non prendersela con lui, e allora diede ordine di arrestare le figlie, tutte e tre, e di tenerle chiuse a pane e acqua*» (И. Кальвино) – «*Король вспомнил, что дал секретарю слово не гневаться на него, и тогда он повелел запереть всех трех своих дочерей и посадить их на хлеб и воду*» (И. Кальвино). В итальянском языке низкий достаток образно выражается как питание исключительно хлебом и луком: *mangiare pane e cipolle* (буквально: «есть хлеб и лук») – «*Ma io, anche se bevevo grappa, ero molto povero: mangiavo solo pane e cipolle; poi, l'inflazione aggravò ancora la mia povertà*» («La Repubblica»); «*Хотя пил граппу, я все таки был очень бедным; ел только хлеб и лук. Потом инфляция еще больше обострила мою нищету*» («La Repubblica»). В русском языке материальная ценность, значимость чего-л., влияющая на уровень благосостояния, образно выражается как возможность / невозможность намазать что-л. на хлеб: *на хлеб не намажешь* («Но и “конечная” продукция – это еще не только потребляемая людьми продукция: экскаваторы, добывающие руду, на хлеб не намажешь и в комнату вместо обеденного стола не поставишь» («Лебедь»)).

Символика денег и материальных ресурсов

В качестве основного и необходимого продукта питания хлеб выступает символом денег, материальных благ в русском и итальянском языках, о чем свидетельствуют контексты, в которых слово хлеб употребляется в расширительном образно-символическом значении: «*Россия нас приютила по-братски. Дала нам хлеб и достаток. Мы благодарны русскому народу и на выборах пойдём с вами*» (В. Шульгин); «*I dipendenti dell'azienda hanno il sacrosanto diritto di lavorare e di non restare senza il pane per s[е] stessi e per le loro famiglie*» («Il Gazzettino di Salerno») – «*Рабочие имеют священное право работать и не оставаться без хлеба для себя и для своей семей*» («Газета Солерно»). В русском

языке подобное значение выражают фразеологизмы *на хлеб хватает* 'иметь необходимый минимум средств к существованию': «*Мне искусство безразлично. Главное, чтобы на хлеб хватало*» («Газета») и *остаться без куска хлеба* 'остаться без средств к существованию': «*Мне, правда, многие на это готовы сказать: "Хорошо, что у тебя есть мама с папой, и тебе не нужно снимать квартиру в Москве, и ты не боишься остаться без куска хлеба"*» («LiveJournal»). Особенно продуктивной в этом плане оказывается итальянская фразеология. Образное выражение *assicurarsi il pane per la vecchiaia* (буквально: «гарантировать себе хлеб на старости») передает значение 'гарантировать себе средства на будущее' – «*Non mi sembrava vero, un posto statale e uno stipendio fisso e, come si dice da noi, il pane per la vecchiaia*» («La Repubblica») – «*Кто бы мог подумать, государственное место и постоянная зарплата, это то, что у нас называется гарантия на будущее* (буквально: *хлеб в старости*)» («La Repubblica»).

Символика щедрости vs скупости, трудолюбия

По отношению к хлебу образно измеряются такие качества, как щедрость и скупость. Итальянский фразеологизм *misurare il pane* (буквально: «мерить хлеб») выражает значение 'сильно экономить, быть скупым' – «*Son rovinato, signor mio caro, e per rimettermi un poco, mi converrà vivere da qui in avanti con del risparmio, e misurare il pane col passetto*» (С. Goldoni) – «*Я разорившийся человек, дорогой мой господин, и для того, чтобы навести порядок, приходится экономить и мерить каждый грамм хлеба*» (К. Гольдони). Близкое по значению образное выражение *levare il pane da sotto i denti a qualcuno* (буквально: «вырвать хлеб из зубов у кого-л.») означает 'быть жадным, способным отобрать у кого-л. последнее'. Противоположное значение несет итальянская идиома *levarsi / togliersi il pane di bocca per qualcuno* 'жертвовать ради кого-л. самым дорогим' (буквально: «достать хлеб у себя изо рта ради кого-л.») – «*Per tirare avanti con la professione bisogna prendere tutti i clienti che vengono... rassegnarsi a mandare la parcella a poveracci che devono togliersi il pane di bocca*» (Л. Preti) – «*Чтобы как-то сводить концы с концами при такой профессии, надо принимать всех клиентов, которые к тебе приходят... примириться с тем, что надо кое-что посылать и беднякам, которые вынуждены лишать себя куска хлеба*» (Л. Прети).

Совершенно эквивалентными в их прямых и переносных значениях являются русские и итальянские фразеологизмы рус. *есть чужой хлеб / даром есть хлеб* и итал. *mangiare il pane a ufo / a tradimento* (буквально: «есть хлеб на дармовщину / на предательство»), обозначающие 'жить за счет кого-л., не принося пользы' – «*Сколько можно за-*

висеть от Лоры? Сколько можно *есть чужой хлеб*? Сколько можно жить под чужой крышей?» (С. Довлатов); «По тому же неписаному закону, если командированный задерживался в хате на несколько лишних дней, то помогал женщинам по хозяйству, справляя какую-нибудь мужскую работу, – словом, *ел хозяйский хлеб не даром*» (В. Катаев); «*Io sarò screanzato, ma tu sei uno che mangia il pane a ufo. Rimboccati le mani e vai a lavorare, altro che... scrivere versi!*» (Postremo Vate) – «Пожалуй, я невежа, но ты... ты даром ешь хлеб. Засучи рукава и иди работать, хватить писать стихи!» (П. Вате). Более того, в обоих языках имеются эквивалентные производные слова, соответствующие этим выражениям: рус. *нахлебник* и итал. *mangiapane* (буквально: «хлебоед»); они называют ‘человека, который живет за чужой счет’ – «А Дмитрий целыми днями слонялся по квартире или пропадал в компаниях, частенько возвращаясь под легким шофе. Коломнин страдал, видя, как сын все больше превращается в *нахлебника*» (С. Данилюк); «*E quando passava il brigadiere dei carabinieri coi due militi mormoravano: “Vagabondi. Mangia pane a tradimento”*» (А. Panzini) – «Когда мимо кафе проходил бригадир карабинеров с двумя солдатами, сидевшие там шептали: “Бродяги, *дармоеды*”» (А. Панцини).

Хлеб как символ тела Господа и символика единения

Как уже было отмечено, в Новом Завете хлеб символизирует сына Господа, присланного на Землю, как свидетельствуют слова самого Иисуса, которые приводятся в Евангелии от Иоанна: «*Истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес. Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру. На это сказали Ему: Господи! Подавай нам всегда такой хлеб. Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда*» (Ин 6:32–35). Далее недоверчивым Иудеям Иисус говорит: «*Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира*» (Ин 6:51).

Таким образом, хлеб в христианской символике становится воплощением «тела Иисуса Христа», приобретая ключевую и абсолютную ценность как посредник общения человека с Богом. В своем первом послании к Коринфянам Апостол Павел описывает тот момент, в который Иисус основывает обряд Евхаристии во время тайной вечери: «*Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: “Примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание”*. Также и чашу после вечери,

и сказал: “Сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание”. Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1Кор 11: 23–26). Богослужбный хлеб, употребляемый в православном обряде для таинства Евхаристии, называется «просфора» (с греческого переводится как ‘приношение’) и готовится из квасного теста; в католицизме латинского обряда он получил название «гостия» (в итальянском языке «ostia», из латинского «hostia» ‘жертва’) и сделан из пресного теста. К нему обращаются и в метафорических терминах *pane celeste* («небесный хлеб») или *pane degli angeli* («хлеб ангелов»).

Действие преломления хлеба играет центральную роль в христианской традиции. Не случайно, что именно после совершения данного акта двое учеников по дороге в Эммаус узнают воскресшего Иисуса (Лк 24:30–31). Разделение и совместное поедание хлеба раскрывают метафору Церкви как христианской общины и понятие соборности. Об этом свидетельствуют слова Апостола Павла: «**Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова? Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба**» (1Кор 10:16–17). Следует заметить, что понятие «соборность» является специфичным исключительно для православной Церкви. Согласно протоиерею Сергею Булгакову, «*Душа православия есть соборность. ...Русское церковное словоупотребление и русское богословие употребляют это выражение в таком обширном смысле, какого он не имеет в других языках*» [37. С. 145].

По всему Священному писанию хлеб представляет собой совершенную пищу, символизируя трапезы Господни, что иллюстрируют «Притча о брачном пире» в Евангелии от Матфея (Мф 22:2–14) и «Притча о званых и избранных» от Луки (Лк 14:16–24). Не кушается хлеб с идолопоклонниками (3 Цар 13:8–9) или «у человека завистливого» (Притч 23:6) и его не преломляют с теми, которые «пошли вослед иных богов» (Иер 16:7). Хлеб делится христианами, живущими единодушно и гармонично во имя Господа Бога: «*И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах. ...Все же верующие были вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца*» (Деян 2:42–46). Семантику собрания, совместного участия и общины, воплощенную в обряде разделения хлеба, содержит и внутренняя форма итальянского слова *compagno* ‘товарищ’, восходящего к латинскому *compānis*, состоящего из *com* = *cum* и *panis*, буквально: «сохлебник», т.е. ‘тот, кто ест свой хлеб вместе с кем-л.’. В русском языке эта этимология сохраняется в слове **компания** и его дериватах.

Хлебом угощают путешественников («А я принесу хлеба, и вы подкрепите сердца ваши; потом пойдите в путь свой» (Быт 18:5)); «Подкрепи сердце твое куском хлеба, и потом пойдете» (Суд 19:5)), беглецов («С хлебом встречайте бегущих» (Ис 21:14)), алчущих («Раздели с голодным хлеб твой» (Ис 58:7)), бедных и неудачников («Милосердный будет благословляем, потому что дает бедному от хлеба своего» (Притч 22:9)); «Но, когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых» (Лк 14:13)) и даже врагов («Если голоден враг твой, накорми его хлебом» (Притч 25:21)). Смысл самого ритуала преломления хлеба запечатлен в итальянском фразеологизме *spezzare il pane della scienza* (буквально: «преломить хлеб науки»), который обозначает ситуацию обмена знаниями между учителем и учеником, преподавания как кормления кого-л. духовной, интеллектуальной пищей: «*Quando il professore entrava nell'aula, si trovava a spezzare il pane della scienza ad una schiera di studenti sgomenti, che si chiedevano l'un l'altro quale fosse l'argomento della lezione*» (B. Vertecchi) – «Когда преподаватель входил в аудиторию, ему приходилось учить (буквально: преломлять хлеб науки) растерянных студентов, не понимающих тему занятия» (Б. Вертеки).

Символика труда и его результатов

В Ветхом и Новом Заветах хлеб символизирует результаты работы, а сам труд выступает как форма любви к земле и ближнему, чтобы человек ни в ком не нуждался и даром не ел свой хлеб. Святой апостол Павел просит фессалоникийцев молиться за христианскую общину и ей подражать, ибо «[мы] ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить никого из вас»; «слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся. Таковых увещаем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом, чтобы они, **работая в безмолвии, ели свой хлеб**» (2 Фес 3:8, 11–12). Книга Притчей Соломоновых включает множество призывов к работе и порицаний бездельникам: «Кто возделывает землю свою, тот будет насыщаться хлебом; а кто идет по следам празднующих, тот скудоумен» (Притч 12:11); «Не люби спать, чтобы тебе не обеднеть; держи открытыми глаза твои, и будешь **досыта есть хлеб**» (Притч 20:13); «Она наблюдает за хозяйством в доме своем и **не ест хлеб праздности**» (Притч 31:27). В итальянском языке непосредственно к Библии восходит образ «потного хлеба», присутствующий в двух выражениях: *pane sudato* (буквально: «потный хлеб»), обозначающее ‘добывать средства к существованию тяжелым трудом’ – «*Come mangia Costantino, il lavoro gli fa bene, il pane sudato è più dolce*» (C. Abate) – «Смотрите, какой аппетит у Константина! Работа ему

приносит пользу, хлеб, заработанный в поте лица, вкуснее» (К. Абате); и *guadagnarsi il pane con il sudore della fronte* (буквально: «зарабатывать хлеб в поте лба») в том же значении – «*Se vi è nella vita cosa da apprezzarsi, è il pane guadagnato coi sudori della propria fronte. È giovine, lavori*» (G. Verdi) – «Если и есть в жизни что-то ценное, так это хлеб, заработанный в поте лица. Вы молоды. Работайте» (Дж. Верди). Согласно Книге Бытия, Бог сотворил землю и на ней райский сад и завещал человеку «возделывать его и хранить его» (Быт 2:15). Но, Адам, не подчинившийся предостережению Бога, был изгнан из рая в мир, где «*в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься*» (Быт 3:19). Любопытным является факт, что в русском языке фразеологизм *работать / трудиться в поте лица*, восходящий к этой библейской цитате, не сохранил образ хлеба, в отличие от итальянской фразеологии: «Ибо здесь, на горе с открывающимся видом на Иерусалим и на downtown, непонятно, почему у человека, *работающего в поте лица своего, нет средств, чтобы прокормить семью, почему жена должна уйти от мужа, даже если он в беде, а дети от родителей, даже если те не платят за колледж*» (Д. Шляпентох); «*Знаешь, бывает, родители всю жизнь **вкалывают в поте лица**, а детки потом балдеют!*» (В. Ремизов).

Итальянский язык изобилует фразеологическими единицами, в которых хлеб ассоциируется с работой, способствующей добыванию средств к существованию, или ее результатом, прежде всего, деньгами: *lavorare per un tozzo di pane* «буквально: работать за кусок хлеба», ‘работать за небольшое вознаграждение, получать низкую зарплату’ – «*Vuol dire, che dalle pubbliche calamità ne traggono guadagno; perché vedendo il povero angustiato dalla fame, dalla sete, dal freddo, dalla miseria, lo fanno lavorare per un tozzo di pane, per un tozzo di pane lo impegnano a servirli, benché conoscano che la sua fatica richiederebbe di più*» (G. Antonelli) – «Это значит, что из общественных бедствий они извлекают пользу. Видя бедного, страдающего от голода, жажды, холода, нищеты, они используют его, пусть он работает за очень низкую зарплату (буквально: *за кусок хлеба*), хотя они сами знают, что его труда заслуживала бы большего» (Дж. Антонелли); *avere / ottenere / vendere qualcosa per un pezzo / tozzo di pane* (буквально: «получить / отдать что-л. за кусок хлеба», т.е. ‘получить или отдать что-л. за низкую цену’ – «*Cinque anni fa stava per vendergli la Chrysler per un tozzo di pane, adesso prova a rifilargli le bottiglie di olio e vino prodotte in Toscana*» («La Repubblica») – «Пять лет назад он чуть ему не продал Крайслер за очень низкую цену (буквально: *за кусок хлеба*), а сейчас он старается ему всучить бутылки с оливковым маслом и вином, произведенным в Тоскане» («La Repubblica»); (*non*) *avere un pane sicuro*

(«буквально: (не) иметь постоянный хлеб», ‘(не) иметь постоянную работу’) – «*Passò però gran tempo, prima che io la riconoscessi in ciò: ogni volta essersi mostrata vana la speranza che io avevo riposto in un lavoro e in un pane sicuro*» («La Repubblica») – «Но я это осознал спустя долгое время, потому что ранее возлагаемые мной надежды на постоянную работу (буквально: **на постоянный кусок хлеба**) не сбылись» («La Repubblica»). Наблюдается полная эквивалентность итальянской и русской идиом *guadagnarsi il pane / un pezzo di pane* (буквально «зарабатывать хлеб / кусок хлеба») – «*E se non ti garba di andare a scuola, perché non impari almeno un mestiere, tanto da guadagnarti onestamente un pezzo di pane?*» (С. Коллоди) – «А если тебе не нравится учиться, то почему бы тебе не овладеть каким-нибудь ремеслом, чтобы честно зарабатывать свой кусок хлеба?» (К. Коллоди) – и **зарабатывать (на) хлеб / добывать свой хлеб** – «Как ни крути, но и ЮКОС, и все мы, **зарабатывающие на хлеб** кто наемным трудом, кто предпринимательством, – находимся в одной тесной лодке». В русском языке наблюдается и фразеологизм *отпустить / отправить(ся) / уйти на вольные хлеба* обозначающий ‘начать самостоятельно зарабатывать на жизнь, стать независимым’ – «*В тридцать лет, во время очередной вынужденной безработицы, я поняла, что надо бросать школу и переходить на вольные хлеба, а то романа мне не написать*» (И. Пруссакова). В русском языке также имеется образное выражение *спасибо на хлеб не намажешь*, которое говорится в ответ на чью-л. словесную благодарность, которую говорящий расценивает недостаточной для компенсации оказанной услуги – «*Спасибо*», – вежливо сказал Мишка. Ему было четыре года, и он как раз осваивал великую силу благодарности. «*Спасибо на хлеб не намажешь*, – веско сообщил Дальний Родственник, – и в карман не положишь» (К. Данилюк).

Хлеб как символ духовных vs физических потребностей

К тексту Священного Писания восходят присутствующие в русском и итальянском языках прецедентные выражения *не хлебом единым жив человек (не одним хлебом живет человек) / non si vive di solo pane*, обозначающие потребность в духовных ценностях. Данная фраза является ответом Иисуса дьяволу, искушающему превратить камень в хлеб, чтобы утолить голод. В словах Иисуса хлеб проявляется во всей своей физической природе, как представитель материального существования человека. Событие описывается в Евангелиях от Матфея (Мф 4:3–4) и Луки: «*И сказал Ему диавол: если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом. Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим*» (Лк 4:3–4). Иисус цитирует Второзаконие, точнее главу 8, в которой Гос-

подъ Бог обращается к израильскому народу: «Он [Бог твой] смирял тебя, томил тебя голодом и питал тебя манною, которой не знал ты, и не знали отцы твои, дабы показать тебе, что **не одним хлебом живет человек**, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек» (Втор 8:3). В широком значении это высказывание сообщает о том, что, помимо удовлетворения материальных потребностей, человек нуждается в духовном и интеллектуальном развитии, нравственном совершенствовании: «Все так называемые человеческие ценности – излишние с точки зрения просто проживания и выживания. **“Не хлебом единым”** означает: мне мало просто жить. А чего мало-то? А вот хочу еще чего-нибудь» (М. Веллер); «*In effetti, è vero che non si vive di solo pane, ma vivere senza pane è spesso così difficile come vivere senza libertà*» («La Repubblica») – «*И действительно, это правда, не одним хлебом живет человек; но часто бывает, что жить без хлеба трудно, как и жить без свободы*» («La Repubblica»).

Представление хлеба как символа удовлетворения физических потребностей раскрывает еще одно прецедентное выражение, присутствующее в обоих языках: **хлеба и зрелищ!** / **pane e circensi**. В итальянском языке часто цитируется оригинальное латинское выражение **panem et circenses**. Это высказывание принадлежит древнеримскому поэту Ювеналу, описывающему духовную нищету римского плебса, у которого остались только два устремления – развлечения (зрелища) и пропитание (хлеб): «Этот народ уж давно... все заботы забыл... Сдержан теперь и о двух лишь вещах беспокойно мечтает: **Хлеба и зрелищ!**» [25. С. 715]. Данное выражение закрепилось в обоих языках и употребляется для определения вечных потребностей толпы: «Больше ничего человеку не надо, не предлагайте ему ничего больше. Без надобности. Только **хлеба и зрелищ!** И это самое большое открытие двадцатого века. Ответ всем великим гуманистам. И кремлевским мечтателям» (С. Алексиевич); «*Lui, Le Pen, si rallegra soltanto di “vedere dei professionisti del tennis, ma dei professionisti del tennis francese, offrire alla Francia una vittoria”. Quel trofeo d' argento che torna dopo 59 anni nel paese di Asterix, diventa su tutte le colonne dei giornali il segno di una riscossa nazionale, “che cancella complessi e restituisce fiducia”. Per le Pen non è che “panem et circenses” per confondere il popolo angosciato dai veri problemi della Francia “invasa dagli stranieri”*» («La Repubblica»); «Он, Ле Пен, рад только “увидеть теннисистов-профессионалов, точнее – французских теннисистов-профессионалов, дарящих победу Франции”. На всех страницах газет этот серебряный трофей, который возвращается в страну Астерикса после 59 лет, становится при знаком национального реванша, он “удаляет комплексы и возвращает доверие”. Согласно Ле Пена, это только **“хлеба и зрелищ”**, чтобы

смутить народ, обеспокоенный настоящими проблемами Франции “под оккупацией иностранцев”» («La Repubblica»).

Однако хлеб является символом не только материальных благ. Он воплощает и образ духовного питания, выступая эталоном необходимого жизненного ресурса. В Священном Писании хлеб, вместе с вином и маслом, символизирует метафорическую пищу для внутреннего развития человека: «*И вино, которое веселит сердце человека, и елей, от которого блистает лицо его, и хлеб, который укрепляет сердце человека*» (Пс 103:15). Хлеб представляет собой и средство, открывающее путь к вечной жизни: «*Сей-то есть хлеб, сошедший с небес. Ядущий хлеб сей жить будет вовек*» (Ин 6:58). Образ хлеба как необходимого ресурса или источника для осуществления какой-то деятельности передают образные средства русского и итальянского языков. Приведем несколько контекстов, передающих эту языковую метафору: «*Инвестиции – хлеб экономики. В этом году России удалось опередить многих своих конкурентов в мировом рейтинге инвестиционной привлекательности*» («Российская газета»); «*Выставки, обреченные быть популярными и собирать очереди, – основа стабильной и качественной художественной жизни, главный музейный хлеб*» («Известия»); «*Mozart è il pane per gli strumentisti, i cantanti, il direttore. Non s' impara nulla senza Mozart. Se si fa bene Mozart, si arriva a fare benissimo tutta la musica del Novecento*» («La Repubblica») – «*Моцарт – это хлеб для музыкантов, певцов и самого дирижера. Без Моцарта – никуда. Если Моцарта получается хорошо играть, то получается очень хорошо играть всю музыку XX века*» («La Repubblica»)). Как мы видим, хлеб символизирует что-л. особенно важное, необходимое для определенной сферы жизни. Об этом образном представлении хлеба свидетельствуют и эквивалентные по структуре фразеологизмы *быть нужным как хлеб* и *servire come il pane*, обозначающие ‘быть необходимым, важным для кого-, чего-л.’: «*И обязательные репетиции на местах с профессиональными коллективами и с самодеятельностью. Театральные таланты нам нужны, как хлеб. И выращивать их надо с детства, на местах*» (Г. Бурков); «*Un grande partito della sinistra serve come il pane all’Italia*» («La Repubblica»); «*В Италии большая партия, собирающая все левые силы, нужна как хлеб*» («La Repubblica»).

Представление о ежедневном пропитании выражает библейское прецедентное выражение *хлеб насыщенный / pane quotidiano*. Оно восходит к Евангелиям от Мафея 6:11 и Луки 11:3, описывающим момент, когда Иисус дает своим ученикам в ответ на их просьбу молитву к Богу «Отче наш» (по-итальянски – «Padre nostro»). Также данная образная номинация обозначает занятие, действие или предмет, которые стали привычными, общепринятыми, вошли в обычай: «*Для нас, иммигрантов, такие книги – больше, чем хлеб насыщенный*» («Российская музы-

кальная газета»; «*Non c'è da dire: i dispiaceri sono il pane quotidiano della vita; ma arrivati a una certa età, aumentano con una forza sorprendente*» (G. Verdi) – «Ничего не поделаешь: неприятности – **хлеб насыщенный** жизни, а в определенном возрасте их число возрастает с удивительной быстротой» (Дж. Верди). Следует заметить, что в итальянском языке присутствует эквивалентная по значению фразеологическая единица *essere pane di tutti i giorni* (буквально: «быть повседневным / ежедневным хлебом»), как свидетельствуют следующие примеры употребления: «*Pantani piace proprio per questo: ha il coraggio di mettersi alla prova in un mondo dove il calcolo e gli interessi di circostanza sono il pane di tutti i giorni. Forse proprio per questo la gente del ciclismo lo ha subito amato*» («La Repubblica») – «Пантани любят именно в силу этого: он имеет смелость испытывать себя в мире, в котором царствуют расчет и постоянный (буквально: как **ежедневный хлеб**) интерес. И может быть, за это поклонники велоспорта сразу полюбили его» («La Repubblica»); «*Non posso fare l'ufficiale perché sono comunista, iscritto al partito. Non rappresento un caso isolato, questo è pane di tutti i giorni*» («L'Unità») – «Я не могу стать офицером, потому что я коммунист, член ИКП. Я не исключение, таких случаев много (буквально: **это ежедневный хлеб**)» («L'Unità»).

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что с представлением о хлебе связана целая система общих для русской и итальянской культур символов и ценностей, которая вербально объективируется в комплексе образных лексических и фразеологических единиц обоих языков в их современном состоянии. Продуктивность мотивационно-образных парадигм с вершинами *хлеб / pane* в рассматриваемых языках объясняется двумя основными культурными факторами. Исторически это связано с земледельческим происхождением русского и итальянского экономического уклада. В культурах земледельческого типа хлеб всегда занимал основное почетное место на столе и со временем стал воплощать представление о ежедневном пропитании, трудовой деятельности, материальных благах и ценностях вообще. Второй фактор – это влияние христианской традиции на путь развития русской и итальянской культур. В общих чертах, христианство со своей теософией служит одним из главных структурообразующих источников обсуждаемых культур, и мы постарались показать, какой след это оставляет в языке. По этому поводу вспомним слова английского этнографа Дж. Фрэзера, который утверждает, что «христианская культура нашла свое отражение в языке – в отдельных словах, фразеологических единицах, пословицах, поговорках, ибо влияние Библии на языки христианских народов трудно переоценить» (цит. по: [36. С. 23]).

Анализ образных единиц русского и итальянского языков, а также случаев их использования в речи, показал, что хлеб воплощает материальное благополучие (рус. *на хлеб с маслом хватает*, итал. *allevare / crescere a pane bianco*), а его отсутствие символизирует недостаток денег (рус. *на хлеб не намажешь*) и бедность (рус. *перебиваться с воды на хлеб*, итал. *mangiare pane e cipolle, stare / tenere qualcuno a pane e acqua*). Хлеб выступает символом средств к существованию и ресурсов, необходимых для осуществления деятельности (рус. *на хлеб хватает, остаться без куска хлеба, есть чужой хлеб / даром есть хлеб*, итал. *mangiare il pane a ufo / a tradimento, assicurarsi il pane per la vecchiaia, misurare il pane, levarsi / togliersi il pane di bocca, levare il pane da sotto i denti* и др.). Образ хлеба ассоциируется с работой и ее результатом (рус. *отпустить на вольные хлеба, добывать свой хлеб*, итал. *guadagnarsi il pane / un pezzo di pane, (non) avere un pane sicuro, avere / ottenere / venedere qualcosa per un tozzo di pane* и др.). В итальянском языке с библейской символикой связано образное представление «Знание – это Хлеб», воплощенное в идиоме *spezzare il pane della scienza*. Ряд прецедентных образных выражений основаны на цитатах из Евангелий: рус. *не хлебом единым жив человек*, итал. *non si vive di solo pane*, в которых хлеб представляет собой еду вообще и, в более широком смысле, удовлетворение физических потребностей человека; а также рус. *хлеб засушенный* и итал. *pane quotidiano / pane di tutti i giorni*, где хлеб символизирует обычное действие или занятие. Наконец, хлеб образно выражает представление о чем-л. необходимом, как свидетельствуют эквивалентные фразеологизмы *быть нежным как хлеб* и *servire come il pane*.

Завершая обзор символических смыслов, связанных с образом хлеба в христианской традиции, предлагаем весьма показательный отрывок из проповеди Аврелия Августина, в котором природные циклы произрастания зерна и трудовые процессы производства хлеба метафорически выражают этапы духовного формирования человека христианской культуры: «*Хлеб рассказывает вашу историю. Он пробился, как зерно в полях. Земля его родила, дождь его кормил и способствовал его созреванию в колосе. Труд человека его принес на гумно, смолотил, просеял, засыпал в хранилище и принес на мельницу. И еще труд человека его смолотил, замесил и испек. Не забудьте, что это и ваша история. Вас не было и вас сотворили. Вас привели на гумно Господа, вас намолотила работа быков, которыми можно считать проповедников Евангелия. Во время приобщения к церкви вы были как зерно, хранящееся в зернохранилище. Потом вы стояли в ряд, чтобы принять крещение. На вас нагрнула самка мула, возвращающая жернова поста и заклинаний. Вы пришли в купель. Вас замесили и вы стали единой смесью. Вас выпекали в печи Святого Духа и, воистину, вы стали хлебом Бога» (цит. по [37. С. 29]).*

Литература

1. *Evans V.* Figurative language understanding in LCCM Theory // *Cognitive Linguistics*. 2010. № 4, vol. 21. P. 601–662.
2. *Gibbs R.W.Jr.* The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 564 с.
3. *Giora R.* Literal vs figurative language: Different or equal? // *Journal of Pragmatics*. 2002. № 4, vol. 34. P. 487–506.
4. *Glucksberg S.* Understanding figurative language: from metaphors to idioms. New York : Oxford University Press, 2001. 134 p.
5. *Ning Yu.* Metaphor from body and culture // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* / ed. by R.W. Gibbs Jr. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 247–261.
6. *Ortony A.* Metaphor and thought. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. 696 p.
7. *Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М. : Академия, 2002. 394 с.
8. *Илюхина Н.А.* Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара : Самар. ун-т, 1998. 204 с.
9. *Мишанкина Н.А.* Метафора в науке: парадокс или норма? Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 282 с.
10. *Резанова З.И.* Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2010. № 1 (9). С. 26–43.
11. *Склярёвская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб. : Фил. ф-т СПбГУ, 2004. 166 с.
12. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001. 238 с.
13. *Юрина Е.А.* Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кошетау, 2013. 238 с.
14. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
15. *Шестак Л.А.* Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса. Волгоград : Перемена, 2003. 312 с.
16. *Ковшова М.Л.* Анализ фразеологизмов и коды культуры // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2008. № 2, т. 67. С. 60–65.
17. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.
18. *Кирсанова Е.М.* Прагматика единиц семантического поля «Пища»: системный и функциональный аспекты: на материале русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 29 с.
19. *Дормидонтова О.А.* Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира (на материале русского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 23 с.
20. *Юрина Е.А.* Лексико-фразеологическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках // *Язык и культура*. 2008. № 3. С. 83–93.
21. *Марушкина Н.С.* Концепт «Еда» в контексте диалога культур : дис. ... канд. культур. наук. Иваново : Иваново. гос. ун-т, 2014. 166 с.
22. *Максимова Т.В.* Гастрономическая метафора в разных типах дискурса // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2013. № 4, т. 1. С. 176–181.
23. *Словарь* русской пищевой метафоры. Т. 1 : Блюда и продукты питания / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под. ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 428 с.

24. **Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф.** Итальянско-русский фразеологический словарь : ок. 23 000 фразеологических единиц / под ред. Я.И. Рецкера. М. : Рус. яз., 1982. 1056 с.
25. **Vocabolario** della lingua italiana Treccani (Словарь итальянского языка Треккани). URL: <http://www.treccani.it/vocabolario> (дата обращения: 20.10.2017).
26. **Dizionario** della lingua italiana De Mauro (Словарь итальянского языка Дэ Мауро). URL: <http://dizionario.internazionale.it> (дата обращения: 15.06.2017).
27. **Национальный** корпус русского языка. 2003–2011. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.10.2017).
28. **«La Repubblica»** Corpus (Корпус газеты «La Repubblica»). 1985–2000. URL: <http://sslimit.unibo.it/repubblica> (дата обращения: 20.10.2017).
29. **Степанов Ю.С.** Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академический Проект, 2001. 990 с.
30. **Славянские** древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5 : С (Сказка) – Я (Ящерица). М. : Междунар. отношения, 2012. 736 с.
31. **Этимологический** словарь современного русского языка: в 2 т. / сост. А.К. Шапошников. М. : Флинта : Наука, 2010. Т. 2. 576 с.
32. **Dizionario** etimologico della lingua Italiana di Ottorino Pianigiani (Этимологический словарь итальянского языка Отторино Пианиджани). URL: <http://www.etimo.it> (дата обращения: 13.03.2017).
33. **Vosello O.** Il Pane: dalla mitologia alla clinica // Longo O., Scarpi P. (a cura di) Nel Nome del Pane, Homo Edens IV // Regimi, miti e Pratiche dell'alimentazione nelle civiltà del Mediterraneo. Pubblicazione a cura del Servizio Studi della Regione Trentino-Alto Adige, 1993. P. 175–180. (Бозелло О. Хлеб: от мифологии до клиники // Лонго О., Скарпи П. Во имя Хлеба, Homo Edens IV, Режимы, мифы и практики питания в средиземноморских цивилизациях. Опубликовано службой исследования области Трентино – Альто Адидже, 1993. С. 175–180).
34. **Palmieri P.** La tradizione e l'uso del pane nel Mediterraneo. Spunti per un'indagine antropologica // Narrare i Gruppi: Prospettive Cliniche e Sociali. № 2 (2). P. 1–25. (Пальмиери П., Традиция и употребление хлеба в Средиземноморье. Замечания для антропологического исследования // Очерки о группах: Клинические и социальные перспективы. № 2 (2). С. 1–25).
35. **Концептосфера** русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : проспект словаря / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. 340 с.
36. **Маслова В.А.** Введение в лингвокультурологию : учеб. пособие. М. : Наследие, 1997. 208 с.
37. **Булгаков С.Н.** Православие: Очерки учения православной церкви. М. : Терра, 1991. 416 с.
38. **Montanari M.** Il pentolino magico. Gius. Laterza & Figli Spa, 2015. 128 p. (Монтанари М. Во имя хлеба. Рим: Издательство Дж. Латерца, 2015. 128 с.).

Сведения об авторах:

Юрина Елена Андреевна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: yougina2007@yandex.ru

Помаролли Джорджа – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: giorgiapomarolli@hotmail.it

Поступила в редакцию 27 августа 2017 г.

THE BIBLICAL SYMBOLISM OF BREAD IN FIGURATIVE MEANS OF RUSSIAN AND ITALIAN LANGUAGES

Yurina E.A., Doctor of Phylology, Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: yourina2007@yandex.ru

Pomarolli Giorgia, Ph.D. Candidate, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: giorgiapomarolli@hotmail.it

DOI: 10.17223/19996195/39/6

Abstract. In this paper we will describe the metaphorization of the image of bread in Russian and Italian languages which results from a shared spiritual and religious Christian tradition. We will analyse the commonality of interpretative metaphorical models of the source image within a broader cultural context that pertains the pre-Christian era (e.g. archaic mythology and antiquity). The theoretical framework of our research is constituted by cognitive and linguo-cultural approaches in the study of figurative means of language and discourse. Figurative means express allegorical senses which are based on metaphorical and symbolical re-elaboration of cultural phenomena. In order to explore Christian symbolism in the metaphorical designation of “bread” (Rus. *khleb* / It. *pane*) we will conduct an analysis on the symbolic depiction of this food product in biblical texts. We will investigate the semantics and textual functioning of figurative linguistic units which shift biblical symbols in Russian and Italian lexicon and phraseology. Here some examples: *nakhlebnik* (in Russian; literally, “on [someone else’s] bread”) and *mangiapane* (in Italian; literally: “eats [someone else’s] bread”) indicate “a person who lives at someone else’s expenses”; *darom est’ khleb* (Russian) and *mangiare il pane a tradimento* (Italian) designate the condition of “living at the expenses of someone”; the fixed figurative expressions *na khlebom edinyim zhiv chelovek* (Russian) and *non si vive di solo pane* (Italian) derive directly from the Bible (“Not on bread only shall man live”). We will demonstrate that the image of bread serves as a source conceptual dominion by means of which phenomena pertaining other conceptual target sphere are conceived. The metaphorical models related to the image of bread are the followings: “Prosperity is Bread”, “Work is Bread”, “Spiritual needs are Bread” etc. We will present the discursive functioning of the image of bread by providing a set of usage cases, employing figurative words and expressions in literary and publicistic texts. Ultimately, we will claim that there is a whole system of symbols and values related to the representation of bread that is shared by Russian and Italian cultures; this system is realized verbally in a set of figurative lexico-phraseological units in both languages (in their current state). The productivity of the metaphorization of the image of bread can be explained by two basic factors: 1) Russian and Italian cultures are both originally agricultural-based; 2) Russian and Italian cultures have developed under the influence of Christian tradition.

Keywords: cognitive metaphor; Christian symbolism; figurative language; *khleb*; *pane*; Bible; Russian language; Italian language.

References

1. Evans V. (2010) Figurative language understanding in LCCM Theory. *Cognitive Linguistics*. Vol. 21 (4).
2. Gibbs R. W. Jr. (2008) *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge University Press. Cambridge. UK.
3. Giora R. (2002) Literal vs. figurative language: Different or equal? *Journal of Pragmatics*. 34.
4. Glucksberg S. (2001) *Understanding figurative language: from metaphors to idioms*. Oxford University Press. New York.
5. Ning Yu. (2008) Metaphor from body and culture. *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Edited by Raymond W. Gibbs, Jr. Cambridge University Press. Cambridge. UK.

6. Ortony A. (1993) *Metaphor and thought*. 2nd edition. Cambridge University Press. Cambridge.
7. Alefirenko N.F. (2002) *Poeticheskaya energiya slova. Sinergetika yazyka, soznaniya i kul'tury* [The poetical energy of words. The synergy of language, consciousness, and culture]. M.: Akademiya.
8. Ilyukhina, N.A. (1998) *Obraz v leksiko-semanticheskom aspekte* [The image in the lexical and semantic aspect]. Samara State University. Samara.
9. Mishankina N.A. (2010) *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [The metaphor in science: paradox or standard?]. Tomsk State University. Tomsk.
10. Rezanova Z.I. (2010) *Metaforicheskij fragment russkoj yazykovoj kartiny mira: idei, metody, resheniya* [The metaphorical fragment of the Russian language picture of the world: ideas, methods, solutions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 1(9). pp. 26-43
11. Sklyarevskaya G.N. (2004) *Metafora v sisteme yazyka* [The metaphor in the system of language]. St. Petersburg State University, St. Petersburg.
12. Chudinov A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory* [Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor]. Ural State Pedagogical University. Yekaterinburg.
13. Yurina E.A. (2013) *Vkusnye metafory: pishchevaya traditsiya v zerkale jazykovykh obrazov* [Tasty metaphors: food traditions in the mirror of linguistic images]. Kokshetau.
14. Lakoff G. & Johnson M. (2004) *Metafory, kotorymi my zhivym* [Metaphors we live by]. Translated by A.N. Baranov. M.: Editorial URSS.
15. Shestak L.A. (2003) *Russkaya yazykovaya lichnost': kody obraznoj verbalizatsii tezaurus* [Russian linguistic personality: codes of figurative verbalization of thesaurus]. Volgograd: Peremena.
16. Kovshova M.L. (2008) *Analiz frazeologizmov i kody kul'tury* [Analysis of phraseologisms and cultural codes], *Izvestiya RAN. Cerya literatury i yazyka*. 67(2). pp. 60-65.
17. Krasnyh V.V. (2003) "Svoy" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? [The "Self" among the "Others": myth or reality?]. M.: Gnozis.
18. Kirsanova E.M. (2009) *Pragmatika edinits semanticheskogo polya "Pishcha": sistemnye i funktsional'nye aspekty: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov* [Pragmatics of units of the semantic field "Food": systematic and functional aspects: a study based on the material of Russian and English languages]. Abstract of Philology cand. diss. Moscow.
19. Dormidontova O.A. (2011) *Gastronomicheskaya metafora kak sredstvo kontseptualizatsii mira (na materiale russkogo i frantsuzskogo jazykov)* [Gastronomic metaphor as a means to conceptualize the world (a study based on the material of Russian and French languages)]. Abstract of Philology cand. diss. Tambov.
20. Yurina E.A. (2008) *Leksiko-frazeologicheskoe pole kulinarnykh obrazov v russkom i ital'yanskom jazykakh* [Lexical-phraseological field of culinary images in Russian and Italian languages]. *Jazyk i kul'tura – Language and Culture*. 3. pp. 83-93.
21. Marushkina N.S. (2014) *Kontsept "Eda" v kontekste dialoga kul'tur* [The concept of "Food" in the context of the dialogue among cultures]. Philology cand. diss. Ivanovo.
22. Maksimova T.B. (2013) *Gastronomicheskaya metafora v raznykh tipakh diskursa* [Gastronomic metaphor in various types of discourse]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 1(4). pp. 176-181.
23. *Slovar' russkoj pishchevoy metafory. – Tom 1. Blyuda i produkty pitanya* [A dictionary of food metaphor. – Volume I. Dishes and foodstuffs] (2015) compiled by A.V. Borovkova, M.V. Grekova, N.A. Zhivago, E.A. Yurina, Tomsk State University, Tomsk.
24. Cherdantseva T.Z., Retsker Ya.I., Zor'ko G.F. (1982) *Ital'yansko-russkij frazeologicheskij slovar': Ok. 23 000 frazeologicheskikh edinits* [Italian-Russian phraseological dictionary: approximately 23 000 phraseological units]. M.: Rus. jaz.
25. *Vocabolario della lingua italiana Treccani* [Treccani Italian language dictionary] [online] available at <http://www.treccani.it/vocabolario> [Accessed: 20.10.2017].

26. Dizionario della lingua italiana De Mauro [De Mauro Italian language dictionary] [online] available at <http://dizionario.internazionale.it> [Accessed: 15.06.2017].
27. Russian National Corpus [online], available at <http://www.ruscorpora.ru>. [Accessed: 15.01. 2017].
28. “La Repubblica” Corpus [Corpus “La Repubblica”] – Electronic data 1985-2000 [online] available at <http://sslmit.unibo.it/repubblica> [Accessed: 20.10.2017].
29. Stepanov Yu.S. (2001) *Konstanty: Slovar’ russkoy kul’tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. M.: Akademicheskyy Proekt
30. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar’ v 5-ti tomakh / pod obščey redaktsii N.I. Tostogo. T. 5.* [Slavonic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes edited by N.I. Tostoy. Volume V] (2012). M.: Mezhdunar. Otmosheniya.
31. *Etimologičeskij slovar’ sovremennogo russkogo yazyka / sost. A. K. Shaposhnikov: v 2 t. T. 2.* [Contemporary Russian language etymology dictionary in 2 volumes compiled by A.K. Shaposhnikov. Volume II] (2010). M. : Flinta : Nauka
32. Dizionario etimologico della lingua Italiana di Ottorino Pianigiani [Italian language etymology dictionary by Ottorino Pianigiani] [online] available at <http://www.etimo.it> [Accessed: 13.03.2017].
33. Bosello O. (1993) *Il Pane: dalla mitologia alla clinica*, Longo, O., & Scarpi, P., *Nel Nome del Pane, Homo Edens, Regimi, miti e Pratiche dell’alimentazione nelle civiltà del Mediterraneo*, published by the study service of Trentino-Alto Adige. pp. 175-180.
34. Palmeri P. (2007). *La tradizione e l’uso del pane nel Mediterraneo. Spunti per un’indagine antropologica. Narrare i Gruppi: Prospettive Cliniche e Sociali*, 2 (2). pp. 1-25.
35. *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevye kontsepty i ikh reprezentatsii (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii): prospekt slovary* [The conceptosphere of Russian Language: key concepts and their representations (a study based on lexis, phraseology and paremiology)] (2010). Ural State University. Yekaterinburg.
36. Maslova V.A. (1997) *Vvedenie v lingvokul’turologiyu. Uchebnoe posobie* [An introduction to cultural linguistics. Handbook]. M.: Nasledie
37. Bulgakov S.N. (1991) *Pravoslaviye: Očerki utčheniya pravoslavnoj tserkvi* [Orthodoxy: Essays on the teaching of the Orthodox Church]. M.: Terra,
38. Montanari M. (2015) *Il pentolino magico*. Gius. Laterza & Figli Spa.

Received 27 August 2017